

РАБОЧАЯ СИЛА В УКАЗНОЙ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ МОСКВЫ

в 1730—1760 гг.

А. П. ДОРОШЕНКО

Вопрос о социально-экономической сущности русских мануфактур давно привлекал к себе внимание историков и экономистов. Этот интерес, конечно, не случаен: без выяснения социально-экономической природы мануфактурного производства проблема генезиса капитализма в России не может получить правильного освещения. Однако, несмотря на наличие целого ряда исследований советских историков, вопрос этот до настоящего времени остается дискуссионным.

Предлагаемая статья ставит своей задачей выяснить те реальные социально-экономические отношения, которые складывались в указной легкой промышленности Москвы — ведущего промышленного центра страны в 30—60-е годы XVIII в.¹

Легкая промышленность была одной из наиболее развитых отраслей московской промышленности. Поэтому именно на ее материале можно более полно проследить процесс складывания новых социально-экономических отношений.

Хронологически тема охватывает период с начала 30-х до начала 60-х годов XVIII в. В 30-е годы произошли серьезные изменения в социальных отношениях в промышленности в связи с указом 1736 г. Это и определило начальную грань работы. Она условна в том отношении, что, изучая состояние рабочей силы в 30-е годы, приходится выяснять и такие вопросы, как источники ее формирования, формы привлечения рабочих людей на мануфактуры и т. д., и тем самым отодвигать рамки темы к более раннему времени. Конечная грань работы — начало 1760 г. — определяется теми важными качественными изменениями в промышленном развитии страны, которые вызвали к жизни указ 1762 г., предлагавший предпринимателям всецело перейти к использованию наемного труда.

Основным источником для раскрытия данной темы явились материалы фонда Мануфактур-коллегии, хранящегося в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ).

Для характеристики рабочей силы легкой промышленности Москвы в 1730 гг. использованы главным образом переписные книги рабочих людей, составленные в связи с переписью мануфактурных рабочих 1737—1740 гг., предусмотренной указом 1736 г., и доношения предпринимателей о приеме «на фабрики» «разного звания людей», а также челобитные рабочих людей об определении на работу, о переводе с одного предприятия на другое и т. п. Эти материалы очень важны, так как в совокупности они позволяют выяснить источники формирования рабочей силы, ее социальный состав и пр.

---

¹ Изучению легкой промышленности Москвы первой четверти XVIII в. посвящена монография Е. И. Заозерской «Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в.» (АН СССР, М., 1953). Развитие легкой промышленности Москвы в последующий период еще не изучено.

Изучение рабочей силы на предприятиях Москвы в последующие годы основано на анализе доношений как предпринимателей, так и рабочих людей по разным вопросам, касающимся их взаимоотношений. Кроме того, нами использованы рапорты предпринимателей в Мануфактур-коллегию о записи копий с паспортов и контрактов принятых на работу людей, годовые и полугодовые ведомости фабрикантов о состоянии их предприятий, материалы осмотров мануфактур членами Мануфактур-коллегии и др. Особенно ценными для нас являются рапорты предпринимателей о записи паспортов и контрактов наемных рабочих, статистическая обработка которых позволяет выяснить социальный состав вольнонаемных работников московских «фабрик» с конца 1730 до начала 1760 гг., установить географические районы наиболее интенсивного отхода людей в московскую промышленность, проследить процесс формирования постоянных кадров среди вольнонаемных рабочих людей. Не менее важны материалы осмотров московских предприятий, так как они дают сведения о характере рабочей силы, используемой на данных мануфактурах, хотя в них часто и отсутствуют указания на количественное соотношение разных социальных групп работников.

Показания подвергшихся опросу во время переписи 1737—1740 гг. мастеровых и рабочих людей дают возможность установить их социальный состав на промышленных предприятиях Москвы в середине 1730 гг. Перепись охватила 35 предприятий разных отраслей мануфактурной промышленности Москвы². Всего на 35 мануфактурах было учтено 5652 постоянных и временных работников.

Как видно из таблицы (см. таблицу 1), во всех отраслях текстильной промышленности Москвы преобладали выходцы из трех социальных категорий: крестьян, посадских и детей солдат. В суконной промышленности они составляли в сумме 79,9%, в полотняной — 77,0% и в шелковой — 83,3%. Правда, соотношение этих основных категорий в отдельных видах текстильной промышленности не было одинаковым: в полотняной промышленности преобладали выходцы из крестьян (42,3%), в шелковой — выходцы из крестьян (39,4%) и посадских (53,4%). На предприятиях суконной промышленности преобладали рабочие из посадских и детей солдат (28,6 и 27,8%).

На предприятиях «прочих» отраслей московской легкой промышленности преобладали рабочие люди из крестьян (58,2%). Процент посадских был менее значительным (25,2%), а солдатских детей — ничтожным (5,4%).

Остановимся кратко на характеристике каждой из названных социальных групп, служивших источником формирования рабочей силы на московских мануфактурах.

Рабочие люди из крестьян подразделялись на четыре группы. В текстильной промышленности самую многочисленную группу составляли выходцы из монастырских крестьян: 755 человек или 52,9%. На втором месте стояли выходцы из дворцовых крестьян — 31,6%. Вместе выходцы из дворцовых и монастырских крестьян составляли более 80% всего рабочего состава из крестьян. Таким образом, во всех трех отраслях текстильной промышленности Москвы преобладали рабочие люди из монастырских и дворцовых крестьян. На «прочих» предприятиях среди рабочих из крестьян было больше выходцев из помещичьих крестьян (57,8%).

В среднем — в московской легкой промышленности выходцы из крестьян составляли 29,9%, что объясняется значительным социальным расслоением крестьянства уже в рассматриваемый период.

В группу выходцев из посада нами включены рабочие люди из купеческой, посадской и ремесленной среды, дети «тяглецов различных слобод» и «дети ямщиков». В большинстве случаев это были москвичи, родители которых или они сами, смотря по возрасту, не имели собственного «промысла» и кормились «работою своею». Рабочие люди — выходцы из посада — также играли видную роль в московской промышленности (в среднем — 27,7%), что являлось следствием заметного расслоения посада.

Большой процент среди рабочих составляли солдатские дети (23%). Их заставляло искать работу на мануфактурах тяжелое материальное положение, в которое они попадали из-за потери основного кормильца.

² ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 5, д. 564, лл. 9—10.

Социальный состав рабочих людей на предприятиях легкой промышленности
Москвы в 30-е годы XVIII в.*

Названия отраслей легкой промышленности	Всего учтено рабочих людей	К р е с т ь я н									Посадских	Детей солдат	Детей фабричных	Прочих	Неизвестных		
		всего			дворцовых		монастырских		помещичьих							приписных	
		абс.	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%						абс.	%
Суконная	3842	862	287	33,3	536	62,2	39	4,5	—	—	1047	1021	404	331	177		
%	—	23,4	7,8	—	14,6	—	1,0	—	—	—	28,6	27,8	11,0	10,1	—		
Полотняная	611	237	68	28,6	88	37,1	59	24,9	22	9,3	86	108	59	70	51		
%	—	42,3	12,1	—	15,7	—	10,5	—	4,0	—	15,3	19,4	10,5	12,5	—		
Шелковая	886	328	96	29,3	131	39,9	101	30,8	—	—	277	85	42	97	57		
%	—	39,4	11,5	—	15,8	—	12,1	—	—	—	33,4	10,5	5,0	11,7	—		
Всего (без неизвестных)	5054	1427	451	31,6	755	52,9	199	13,9	22	1,6	1410	1214	505	498	—		
%	—	28,2	8,9	—	14,9	—	3,9	—	0,4	—	27,8	24,2	9,9	9,8	—		
Прочие	313	173	31	17,9	42	24,3	100	57,8	—	—	75	16	5	28	16		
%	—	58,2	10,4	—	14,1	—	33,7	—	—	—	25,2	5,4	1,7	9,4	—		
Итого	5652	1600	482	30,1	797	49,8	299	18,7	22	1,4	1485	1230	510	526	301		
%	—	29,9	9,0	—	14,9	—	5,6	—	0,4	—	27,7	23,0	9,5	9,8	—		

* Сб. «Социальный состав рабочих первой половины XVIII в.», изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 56, 27, 78--79, 104--105; ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, л. 232, 682, 227, 235, 231, 688, 680.

Кроме рассмотренных основных социальных категорий рабочих людей, в легкой промышленности Москвы значительное место занимали дети «фабричных» или потомственные рабочие. Всего их насчитывалось 510 человек, что составляло около 10,0% всего рабочего состава этих мануфактур. Особенно заметна роль потомственных рабочих в суконной (11,0%) и полотняной (10,5%) промышленности, которые являлись наиболее старыми отраслями текстильной промышленности Москвы.

Группировка рабочих людей по социальным категориям в легкой промышленности Москвы должна быть признана в какой-то степени условной. Дело в том, что многие рабочие пришли на изучаемые предприятия не сразу после отрыва от прежнего вида их трудовой деятельности (земледелия, ремесла, торговли и т. д.). Между этими двумя моментами часто лежал длительный промежуток времени, в течение которого бывший крестьянин или посадский мог оказаться ремесленником, чернорабочим или квалифицированным рабочим мануфактуры, а то и просто нищим. Поэтому социальная принадлежность этих рабочих людей, определяемая нами по их происхождению, часто не соответствует действительному социально-экономическому положению, в котором они находились до прихода на данные мануфактуры.

Материалы переписей рабочих людей в 1737—1740 гг., дающие обильные сведения о занятиях рабочих до поступления на данные предприятия, позволяют нам в какой-то мере выяснить реальное социально-экономическое положение этих людей, установить степень их хозяйственной самостоятельности и связи с средствами производства до того момента, когда они пришли на мануфактуры (см. таблицу 2)³.

ТАБЛИЦА 2¹

Занятия рабочих людей до поступления на данную мануфактуру *

Названия отраслей легкой промышленности	Всего учтено рабочих	Живших при родных	Нищенствовавших	Работавших по найму	Работавших на мануфактуре	Занимавшихся ремеслом	Занимавшихся торговлей	Занимавшихся разной работой	Крестьянствовавших	Прочих	Неизвестных
Суконная	3842	995	851	589	282	57	72	202	6	7	781
%	—	32,5	27,8	19,2	9,2	1,9	2,4	6,6	0,2	0,2	—
Полотняная	611	98	45	59	181	2	—	—	2	6	218
%	—	24,9	11,4	15,0	46,0	0,5	—	—	0,5	1,5	—
Шелковая	886	184	25	162	166	15	21	8	9	7	290
%	—	30,8	4,1	27,1	27,8	2,5	3,6	1,3	1,3	1,2	—
Всего (без неизвестных)	4050	1277	921	810	629	74	93	210	16	20	—
%	100	31,5	22,8	20,0	15,6	1,8	2,2	5,2	0,4	0,5	—
Прочие	313	20	8	109	12	1	5	—	20	14	124
%	—	10,6	4,2	57,6	6,3	0,5	2,6	—	10,6	7,4	—
Всего	5652	1297	929	919	641	75	98	210	36	34	1413
%	—	30,6	21,9	21,6	15,1	1,7	2,3	4,9	0,8	0,8	—

*Сб. «Социальный состав рабочих первой половины XVIII в.», стр. 58, 30, 82, 406; ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 227, 231, 232, 235, 680, 682, 683.

Рабочие люди, которые до поступления на мануфактуры были лишены средств производства, составляли в текстильной промышленности 63,6%. Большая часть из них работала по найму и на мануфактурах (1439 человек из 2570). Рабочих, сохранявших свою хозяйственную самостоятельность, было очень мало (4,4%). Среди них крестьянствовавшие насчитывались единицами (16 человек из 183—8,8%).

О степени отрыва от сословного вида занятий будущих рабочих текстильных предприятий можно судить на примере вышедших из крестьян рабочих сукон-

³ При этом необходимо заметить, что купленные и собственные крепостные крестьяне, а также временные работники по паспортам и контрактам, как правило, не опрашивались при переписи и, следовательно, сведений об их занятиях до поступления на мануфактуры нет.

ных мануфактур. Не только сами работные люди, но и их отцы (большей частью оброчные дворцовые, монастырские и помещичьи крестьяне) очень часто оказывались оторванными от земли и жили в городах продажей своей рабочей силы или кормились «христовым именем»⁴. На мануфактуре Е. Болотина из 239 работных, вышедших из среды крестьян, у 100 (почти 42%) отцы не занимались земледельческим трудом (жили «кразной работой» в Москве и других городах)⁵. На предприятии А. Еремеева из 442 работных выходцев из крестьян 264 (59,7%) нужно отнести к числу тех, чьи отцы не занимались земледельческим трудом, не вели своего крестьянского хозяйства, а жили главным образом в Москве и «кормились работою своею»⁶. На «фабрике» И. Полуярославцева число работных из крестьян, отцы которых порвали с земледелием, было также значительным. Из 40 работных людей у 15 (37,5%) отцы жили в Москве⁷.

В сказках работных людей суконных мануфактур имеется много сведений о том, насколько глубок был отрыв от сельского хозяйства монастырских и дворцовых крестьян-отцов, переселившихся в Москву. Почти в каждой сказке работного из крестьян мы читаем, что «отец его в давних годах сошел в Москву для прокормления»⁸.

Оброчные монастырские и дворцовые крестьяне-отцы, оторвавшиеся от сельского хозяйства, навсегда оседали в городах, главным образом в Москве. Мы не знаем ни одного случая, когда бы такой крестьянин вернулся обратно в деревню. О прочной связи с городом этих крестьян-отцов говорит и тот факт, что многие из них, делая всякую «черную работу», обзавелись в городе, как говорится в сказках работных, «своим строением»⁹.

Дети подобных людей — будущие работные люди суконных мануфактур, фактически никогда не занимались сельским хозяйством и всю свою сознательную жизнь проводили в городе. Они не имели собственных средств производства и вынуждены были или жить продажей своей рабочей силы, или нищенствовать.

То же нужно сказать и о работных людях «прочих» отраслей московской легкой промышленности. Преобладающее большинство их (68,1%) было лишено собственных средств производства и жило в основной своей массе продажей рабочей силы (121 человек из 129). Группа работных, сохранявших до поступления на мануфактуры хозяйственную самостоятельность, здесь была более значительной (13,7%), чем в отраслях текстильной промышленности, причем занималось земледельческим трудом 20 человек из 26, т. е. большинство работных данной группы.

В целом на предприятиях легкой промышленности Москвы работные люди, лишенные перед поступлением на мануфактуру хозяйственной самостоятельности, составляли 63,5%. На долю имевших в своем распоряжении определенные средства производства вплоть до поступления на данные мануфактуры приходилось всего 4,8%.

Таким образом, подавляющее большинство работных, отнесенных переписями к «крестьянам», «посадским людям» и т. п., фактически не были уже самостоятельными производителями, вынуждены были или продавать свою рабочую силу (работать по найму, на мануфактурах, заниматься разной работой), или нищенствовать.

Сказки работных людей московских «фабрик» позволяют нам конкретно выяснить, каким образом они попадали на изучаемые предприятия, т. е. был ли это добровольный приход на мануфактуру с целью получения работы или же — принудительный акт: «отдача по указу», перевод собственных крестьян или просто покупка зависимых людей с целью использования их в промышленном производстве (см. таблицу 3).

До выхода в свет указа от 7 января 1736 г., прикреплявшего квалифицированных работников к предприятиям, подавляющее большинство работных (95,3%) приходило на мануфактуры Москвы добровольно. На предприятия суконной промышленности

⁴ ЦГАДА, ф. Сената, д. 1503, лл. 108об., 349об., 352об., 356, 377 об., 388 и др.; ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 323, лл. 34, 36, 41; д. 324, лл. 13, 52об. и др.

⁵ ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 328.

⁶ Там же, д. 320.

⁷ Там же, д. 324.

⁸ Там же, д. 320, лл. 18об., 19об., 20об., 53об. и др.; д. 324, л. 13, 14 и др. д. 324, л. 13, 14 и др.

⁹ См., напр., там же, д. 320, лл. 25, 192об., 195об., 217 и др.

почти все работные люди — 98,0%, пришли «по желанию своему» или были приведены родственниками. В полотняной промышленности добровольно пришедших было 93,6%. На шелковых предприятиях работные, поступившие по «желанию своему» непосредственно на мануфактуру, составляли более $\frac{2}{3}$ всех работных людей (67,2%). Большое место среди работных этой отрасли промышленности занимали также и те, кто оформил свой приход на мануфактуру через государственные учреждения, главным образом через Мануфактур- и Коммерц-конторы, подав предварительно в них «желательные доношения» — 112 человек из 658, или 17,0%.

ТАБЛИЦА 3

Способ поступления работных людей на мануфактуры
(до указа 7 января 1736 г.)*

Названия отраслей легкой промышленности	Всего учтено работных	Пришли «по желанию своему» сами или приведены родственниками	Определены Мануфактур-и Коммерц-конторами по их доношениям	Пришли по паспортам, отпускным и увольнительным письмам	Работают по контрактам и договорам	Отданы «из подушного оклада»	Отданы по указу* правительственных учреждений	Собственные крепостные	Куплены	Отданы помещиками для обучения
Суконная (Болотин, Сериков. Полуярославцев)	2603	2550	1	—	—	—	52	—	—	—
%	100	98,0					2,0			
Полотняная	559	491	11	21	—	—	31	—	5	—
%	100	87,8	2,0	3,8			5,5		0,9	
Шелковая	658	442	112	24	16	—	10	24	29	1
%	100	67,2	17,0	3,7	2,4		1,5	3,7	4,4	0,1
Прочие	214	91	4	66	13	13	6	1	20	—
%	100	42,5	1,9	30,9	6,1	6,1	2,8	0,4	9,3	
Всего . . .	4034	3574	128	111	29	13	99	25	54	1
100	100	88,6	3,2	2,8	0,7	0,3	2,5	0,6	1,3	—

* ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 220, 222, 225, 226, 227, 230, 231, 232, 235, 322, 323, 324, 327, 328, 671, 672, 673, 675—684, 686, 687, 688: 793.

Среди работных людей «прочих» отраслей московской промышленности особенно выделялись четыре группы: пришедшие по «желанию своему» (42,5%), работающие по паспортам (30,9%) и контрактам (6,1%), а также группа работных, отданных «ис подушного оклада» (6,1%). Работающие по паспортам по своей численности выделялись среди других групп за счет временных работников.

Поступление на мануфактуру для людей, добровольно пришедших на нее, как правило, сопровождалось устным договором или подачей «желательного доношения» владельцу мануфактуры и оформлялось соответствующей записью в конторской книге. Так, работник «фабрики» Е. Болотина — Е. Титов показал, что в 1735 г. «пришел он на суконную фабрику для обучения и прокормления, принят по доношению»¹⁰. Указание на подачу письменного доношения для поступления на работу не было простой формой, работные люди действительно подавали такие челобитные. Об этом свидетельствуют показания в связи с переписью группы работных Суконного двора, в которых они называют имена людей, писавших за них эти доношения и челобитные¹¹. На ряде московских предприятий практиковалась система записи поступающих работных людей в Мануфактур- и Коммерц-конторах, в ведении которых находились промышленные предприятия Москвы. Так, мельничный ученик шелковой мануфактуры А. Милютин — К. Калашников показал, что «пришел на фабрику к содержателю

¹⁰ ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 328, л. 562об., см также д. 327, л. 2об.; д. 232, лл. 20об.—21.

¹¹ См. напр., там же, д. 328, л. 570 об., 588, 589об., 660, 634об., 704 и др.

А. Милютину в ученики к шелковому делу, а в Камерц-конторе записан и допрашиван и по допросу на означенную фабрику прислан». Аналогичные показания дали 110 рабочих мануфактуры А. Милютина¹².

Интересны свидетельства рабочих М. Федорова и А. Миняева, что при поступлении на «фабрику» Ф. Старцева в доношениях о приеме на работу они скрыли свое истинное происхождение и назвали себя посадскими людьми. В действительности же М. Федоров был помещичьим крестьянином, а А. Миняев — монастырским. Таким же образом поступили и 19 рабочих шелковой мануфактуры Евреинова, назвав себя посадскими людьми г. Москвы¹³.

Подача доношений при поступлении на мануфактуру, как и запись поступающих в Мануфактур- и Коммерц-конторах, свидетельствуют о том, что прием рабочих людей на мануфактуры был актом купли-продажи рабочей силы; с другой стороны, можно установить, что возможности получения работы на мануфактурах не для всех слоев населения были одинаковыми. Охотно принимались на предприятия посадские люди Москвы, в то время как пришлые крестьяне могли получить отказ. Иначе нельзя объяснить стремление этих людей скрыть свое истинное происхождение. Мануфактур- и Коммерц-конторы в этом случае, как нам кажется, выступают в роли «фильтра», пропускающего на предприятия только ту часть желающих, которая по своему социальному положению имела право свободно распоряжаться своим трудом и выбирать для себя тот или иной вид трудовых занятий.

Рабочие люди, попадавшие на промышленные предприятия Москвы через посредство Мануфактур- и Коммерц-конторы, составляли всего 3% рабочего состава этих предприятий. Их роль была довольно заметной только в шелковой промышленности (17,0%). Однако мы считаем необходимым остановиться на их характеристике. Дело в том, что почти половина рабочих этой группы (48,2%) еще до прихода на данные предприятия работала в мануфактурной промышленности. Среди последних насчитывалось 28 человек (51,8), которые пришли на эти предприятия с увольнительными письмами от старых предпринимателей. Так, ткач цветных лент мануфактуры Садовникова Я. Герасимов показал, что на «фабриках он... имеется с 1724 году: был на шелковой фабрике компанейщика С. Павлова 4 года и за неимением работы з данным от него Павлова письмом по желанию своему из бывшей Мануфактур-конторы в 1728 году прислан на шелковую фабрику Садовникова»¹⁴.

Подобные показания рабочих ценны для нас не только тем, что они раскрывают одну из причин ухода или увольнения их с предприятий — «за неимением работы». Главное заключается в том, что рабочие люди мануфактур имели возможность самостоятельно определять свою судьбу. Лишившись работы на одном предприятии, они искали ее на другом, обращаясь при этом к помощи Мануфактур- и Коммерц-контор, в ведении которых находились эти предприятия. Обращения в Мануфактур- и Коммерц-конторы как профессиональных рабочих, так и людей, впервые поступающих на промышленное предприятие, с просьбой определить их для работы на ту или иную «фабрику» свидетельствуют о том, что эти государственные учреждения являлись своеобразными биржами труда. Канцелярии обычно направляли людей на те предприятия, где требовались рабочие руки, при этом выдавая указ или письменное доношение, официально оформлявшее это направление. Упоминания в сказках рабочих, что они «присланы при указе» из Мануфактур- или Коммерц-конторы «по желанию их» или «доношению», свидетельствуют не о принудительной отдаче на предприятие того или иного лица, а лишь об официальном оформлении акта найма.

Особо следует остановиться на той группе рабочих людей, в сказках которых отсутствует указание на добровольную отдачу их названными канцеляриями (и которые в силу этого отнесены в таблице к числу принудительно занятых на мануфактурах). Мы имеем в виду группу рабочих суконных мануфактур. На суконных предприятиях группа рабочих, отданных «по указу», состояла из 52 человек (2,0%). По отдельным мануфактурам они распределялись так: у Болотина и К^о — 7 человек, у Ф. Серикова — 5 и у И. Полуярославцева — 40 человек. Рабочие «фабрики» Боло-

¹² ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 226, лл. 7—8об., 13об.—55об., 60об.—61.

¹³ Там же, д. 672, лл. 7об., 8об., 16об.; д. 684, лл. 25, 43об. и др.

¹⁴ Там же, д. 675, л. 6об.; см. также д. 679, лл. 4об.—5.

тина — Г. Поводильщиков и П. Белянкин до отдачи на Суконный двор работали в Москве в шерстяном ряду «из найму». Г. Поводильщиков, например, показал, что «по возрасту кормился работою своею в шерстяном ряду шерстобитом и в прошлом 1705 г. ... взят он ис того шерстяного ряда с прочими по указу на тое суконную фабрику». И. Шляпин в 1705 г. «отдан был от ратуши» на «ярославский суконный завод» А. Навроцкого, где и работал 15 лет, «а потом взят на московскую суконную фабрику и поныне обретаецца у шерстоснимательного дела». П. Соболев до отдачи «по указу» занимался шапочным мастерством, а А. Мыльников был плотником на Кожевенном дворе, причем, на Суконном дворе он также работал плотником, делал всякие инструменты¹⁵.

Характер занятий этих работных людей до взятия их на Суконный двор позволяет говорить о том, что они действительно были определены на мануфактуры в принудительном порядке, как специалисты. При организации первых суконных мануфактур, в данном случае Суконного двора, когда не было достаточно обученных кадров, такая мера была естественной.

К числу «принудительно отданных» нужно отнести и 3 работных «фабрики» Ф. Серикова. Принудительная отдача этих людей обуславливалась теми же причинами, которые побуждали брать «по указу» ремесленных людей на Суконный двор¹⁶.

Иное положение мы наблюдаем на предприятии И. Полуярославцева. Во-первых, число работных людей, отданных по указу, было очень велико: 40 из 234 (17%). Во-вторых, все они принадлежали к числу профессиональных работных, имея большой производственный стаж. Из 40 работных 23 были отданы с суконной «фабрики» М. Косого, по 4 человека было определено с Суконного двора и каразейной «фабрики» И. Кузнецова. Остальные 9 человек работали на разных мелких суконных и каразейных мануфактурах. Все названные предприятия, за исключением Суконного двора, к концу 1720 гг. резко сократили свое производство «за неприемом каразен», выработкой которой они главным образом и занимались¹⁷, что привело к сокращению и рабочей силы. Об этом прямо говорил содержатель каразейной фабрики И. Кузнецов в ведомости, поданной в Мануфактур-коллегию: «А которые мастеровья люди были при той фабрике и за неимением работы я от себя отпустил». Эту же причину ухода с предприятия М. Косого показывали в своих сказках и сами работные¹⁸.

Показания работных людей и предпринимателей дают нам возможность усомниться в том, что все 40 работных были отданы на мануфактуру И. Полуярославцева в принудительном порядке. Здесь мы имеем перед собой, по-видимому, не что иное, как вынужденный уход с предприятия «за неимением работы», причем, отдаче «по указу» на «фабрику» Полуярославцева, очевидно, предшествовала коллективная челобитная работных с просьбой определить их для работы на данную мануфактуру. Подача работными коллективных челобитных в Мануфактур-контору с просьбой определить на ту или иную мануфактуру в изучаемый период была делом обычным¹⁹.

Таким образом, указания работных людей на отдачу их на то или иное предприятие «по указу» Мануфактур- или Коммерц-конторы не всегда означают насильственное действие по отношению к ним.

На полотняных и шелковых мануфактурах работали люди, попавшие на эти предприятия по паспортам, отпускным и увольнительным письмам. Все полотняники (21 человек), пришедшие на «фабрику» Подсевальщикова таким образом, были кадровыми мануфактурными работными людьми, ушедшими со старых предприятий «за неимением работы»²⁰.

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 328, лл. 50—50об., 81об.—82, 593; Остальные двое рабочих из солдатских детей были присланы из военных учреждений. (Там же, л. 565, 627об.).

¹⁶ Два других работных Серикова, братья Черные, были поляками, на мануфактуру они «отданы от Московской губернской канцелярии» в 1735 г. и надо полагать, что это было сделано с их согласия. (ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 327, см. сказки под № 25, 44, 51, 209).

¹⁷ Там же, оп. 2, д. 1794, лл. 84—84об. и др.

¹⁸ Там же, л. 72об.; см. также оп. 3, д. 324, л. 15об., 26—26об., 29—29об., оп. 5, д. 67, л. 2об.

¹⁹ См. там же, оп. 3, д. 793, лл. 27об., 30—30об., 42, 49об., 52об., 57; ЦГАДА, ф. Сената, д. 1503, л. 902об.

²⁰ ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 323, лл. 30об., 31, 31об.—32, 33—33об., 37об.—38 и др.

Среди работных, пришедших по паспортам на шелковые мануфактуры, были выходцы из разных слоев населения (крестьян, посадских людей, «фабричных») ²¹. Из 22 шелковых мануфактур, рабочая сила которых подвергалась переписи, только на 11 были работавшие по паспортам, причем количество их было незначительно (24 человека).

На мануфактурах «прочих» отраслей московской легкой промышленности по паспортам работало довольно большое число людей — 66 (30,9%). Они концентрировались на двух мануфактурах: Нестерова и Иванова и К^о ²².

По всем отраслям московской легкой промышленности насчитывалось только 29 человек, которые заключили контракты и договорные записи. Сказки работных людей, заключавших контракты и договоры, дают нам мало сведений об условиях этих договоров. Так, ткач «фабрики» Садовникова — В. Козлов показал, что работал он раньше на шелковой «фабрике» А. Павлова, «а ныне он по своему желанию пришел к нему, Садовникову, с пашпортом, у которого желает быть 5 лет для своего пропитания, для чего сочинил с ним контракт». Московский купец И. Ветошников пришел на волоочильную фабрику С. Иванова и К^о в 1735 г. «для науки, живет по записи из найму в год 15 руб.» ²³. Сроки найма по контрактам колебались от 5 до 7 лет. По времени заключения контракты относятся главным образом к 1730 гг.

Таким образом, рабочая сила в легкой промышленности Москвы до середины 30-х годов формировалась на добровольных началах. Преобладающее большинство работных людей (88,6%) приходило непосредственно на предприятия и нанималось на работу, при этом договариваясь устно или подавая письменное доношение с просьбой о принятии. Некоторая часть (3,2%) устраивалась на мануфактуры через посредство Мануфактур- или Коммерц-конторы, предварительно подавая в данные учреждения письменные доношения об определении их для работы на ту или иную мануфактуру. В конце 1720 и в 1730 гг. наблюдается приток на промышленные предприятия людей с паспортами, отпусковыми и увольнительными письмами, и начинает входить в практику заключение письменных договоров между предпринимателями и нанимающимися. Это усложнение отношений в промышленности было обусловлено правительственными мероприятиями, направленными против бегства крепостных крестьян. Стремясь ограничить самовольный уход зависимого населения, правительство требовало, чтобы отходники имели при себе покормежные письма или паспорта и при поступлении на работу заключали договоры с содержателями мануфактур.

Переходим к анализу отношений, которые складывались между работными людьми и предпринимателями после поступления первых на мануфактуры. Имели ли работные право уйти с предприятия или их поступление являлось одновременно и их закрепощением? Прежде всего выясним правительственную политику по данному вопросу.

Известно, что в именных указах, издававшихся правительством лицам, желающим завести мануфактуру, кроме рекомендации «ко оной фабрике принимать... свободных, а не крепостных», указывался срок, в течение которого предпринимателю разрешалось держать работного на мануфактуре. Так, при передаче Суконного двора Болотину и К^о правительство установило семилетний срок пребывания работных людей на данном предприятии ²⁴. Установленный срок должен был соблюдаться обеими сторонами: и предпринимателем и нанимающимся. В привилегии, выданной в 1720 г. шелковому «фабриканту» А. Милютину, мы читаем: «и держать ему оных учеников 7 лет и по прошествии урочных лет, которые ученики не похотят у него при том заводе быть, дать им письма, а которые из оных ево учеников с принятия их до урочных лет от него сбегут или куды на другие заводы уйдет и ему... оных ловить и приводить куда надлежит, которых по розыску, учиня наказание, отдавать ему без задержания» ²⁵. В общем законодательстве это требование было выражено в регламенте Мануфактур-коллегии в § 12 «О приеме работных людей» ²⁶. Таким образом, право ухода по истечении «урочных лет» официально признавалось за наемными работными людьми. Сказки

²¹ См., ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 227, лл. 5, 7—7об., 11об.— 12.

²² Там же, д. 230, 325.

²³ Там же, д. 675, л. 14; д. 230, л. 19об.

²⁴ Там же, д. 328, лл. 11об.— 12.

²⁵ Там же, д. 226, л. 3об.

²⁶ ПСЗ, т. VII, № 4378.

рабочих московских мануфактур дают возможность убедиться в том, что уход их с предприятий и переход с одного предприятия на другое действительно осуществлялся²⁷. Указания рабочих на уход с предприятий «за неимением работы» встречаются очень и очень часто в разных вариациях: «отстал за неимением работы», «отошел за неимением работы», «сошел за неимением работы»²⁸. Рабочим людям нередко приходилось совершать не один переход с «фабрики» на «фабрику». Для многих из них характерен путь, который был пройден ткачом мануфактуры Е. Негонцевой Петром Ильиным. Сначала он поступил на шелковую «фабрику» содержателя С. Тикрянского, но, проработав 5 лет, был уволен «за неимением работы». От Тикрянского Ильин перешел на «фабрику» Соловецкого, с которой после трехлетнего пребывания был также уволен «за неимением работы». Получив от Соловецкого «увольнительное письмо», Ильин пришел на мануфактуру Е. Негонцевой²⁹ и т. д.

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что рабочие имели право ухода и перехода и фактически пользовались им. С другой стороны, они констатируют, что уход с предприятия в большинстве случаев совершался независимо от сроков, установленных законом, и обуславливался наличием работы на данной мануфактуре. Если предприятие обеспечивало постоянной работой, то рабочие люди продолжали оставаться на нем и по истечении срока, установленного законом.

Характерно, что рабочие тяготели к мануфактуре. Уйдя с одного предприятия, они искали работы на другом. Были случаи, когда они после ухода определенное время не занимались мануфактурным трудом, но потом снова возвращались на «фабрику». Так, ткач полотняной мануфактуры И. Тамеса Филипп Елизаров «в прошлом 1728 году записался на фабрику к директору И. Тамесу и по смерти ево... в 1729 году за неимением работы сошел... с оной фабрики и кормился в Московском уезде по селам и деревням портным мастерством и в прошлом 1734 г. пришел он, Филип, попрежнему на фабрику к содержателю И. Тамесу» (сыну.— А. Д.)³⁰. Количество подобных примеров можно было бы увеличить. Рабочие люди охотно шли на вновь открывающиеся предприятия. Когда начала действовать в 1728 г. суконная «фабрика» И. Полуярославцева, на нее сразу пришло большое число рабочих, ранее ушедших с других предприятий, главным образом мелких³¹.

Переход с мануфактуры на мануфактуру довольно часто совершался при участии Мануфактур- или Коммерц-конторы. Причем обращения рабочих за содействием в названные государственные учреждения часто носили коллективный характер. Так, в 1734 г. группой рабочих людей парусного «завода» Д. Плавильщикова была подана в Коммерц-контору челобитная «на означенного содержателя Плавильщикова, что у него работы не имеется и за недачею им заработных денег, чтобы определить их на другие фабрики». Просьба была удовлетворена. Они были определены «по их челобитью» на «фабрику» И. Тамеса, на которую в том же 1734 г. и «присланы по указу»³².

Уход рабочих людей с предприятия «за неимением работы» и «за недачею денег» считался законным и не вызывал со стороны Мануфактур- или Коммерц-конторы никаких препятствий. Наоборот, обращение рабочих в таких случаях за содействием в данные учреждения находило поддержку³³.

Итак, анализ конкретного материала позволяет нам говорить, что пребывание рабочего человека на предприятии не делало его прикрепленным. Он сохранял за собой реальное право ухода по истечении срока, установленного правительственным законодательством, и даже до истечения срока, в случае «неимения работы». При этом рабочие люди часто обращались в государственные учреждения, в ведении которых находились промышленные предприятия Москвы, с просьбой о содействии в поисках работы и получали такое содействие.

²⁷ См. напр., ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 324, л. 6.

²⁸ Там же, д. 675, лл. 4об., 5об., 6об., 8, 8об., 11об., 12 об., 19 и др.; д. 679, лл. 4, 4об., 5, 5об., 6, 6об., 7, 7об., 8, 8об., 11; д. 324, лл. 4об., 5, 6, 15об., 19, 26—27об. и др.

²⁹ Там же, д. 683, лл. 6об.—7.

³⁰ Там же, д. 793, л. 55об.

³¹ Там же, д. 324, лл. 4об. 4, 5, 6, 10, 10об., 11, 11об., 12, 13об., 14, 14об., 15, 17, 18об., 19об., 20, 22, 23, 23об., 24, 24об., 28, 30, 31 и др.

³² Там же, д. 793, лл. 32—32об., 33—33об., 54об.

³³ Там же, д. 681, лл. 18, 20, 30.

Конечно, общественные отношения, складывавшиеся в мануфактурной промышленности, не могли не испытывать на себе влияния окружающей крепостнической действительности. Это влияние проявлялось прежде всего в том, что работный, не выживший срока найма и при наличии работы ушедший с мануфактуры, рассматривался как беглый и преследовался на основании закона. В случае поимки беглец подвергался телесному наказанию и возвращался на прежнее место работы. Кроме того, в рассматриваемое время правительственными учреждениями практиковалась передача работных людей с одного предприятия на другое «по указу». Обычно передавались квалифицированные работники, с целью организации производства и обучения рабочей силы на вновь возникающих мануфактурах. Проникновение крепостнических отношений в промышленность выражалось также и в том, что предприниматели московских мануфактур использовали, хотя и в очень ограниченном количестве, труд крепостных людей (собственных и покупных) и приписных крестьян (см. таблицу 3).

Подводя общий итог, мы должны сказать, что в мануфактурной промышленности Москвы до выхода в свет указа 1736 г. использовался главным образом труд наемных работных людей. Привлечение принудительного труда было очень ограничено, и поэтому он не играл существенной роли в складывании производственных отношений в легкой промышленности Москвы. Абсолютное большинство работных (95,3%) приходило на мануфактуры добровольно, по «желанию своему». Поступление их, как правило, сопровождалось устным или письменным договором, необходимость которого предусматривалась правительственным законодательством. Работный, нанявшись на «фабрику», сохранял за собой реальное право ухода с нее по истечении установленного срока, а также в случае отсутствия работы, и пользовался этим правом. В основе этих отношений лежала купля-продажа рабочей силы. В роли продавца рабочей силы выступали люди, как правило, лишенные средств существования.

* * *

Серьезные изменения в производственных отношениях в легкой промышленности Москвы происходят в связи с указом от 7 января 1736 г.

Указ 1736 г. был создан по просьбе суконных и полотняных «фабрикантов»: Затрапезного, Щеголина, Микляевой, Гончарова, Подсевальщикова, Тамеса, Полуярославцева. В поданном в Сенат прошении они жаловались на то, что заведенные ими «фабрики» испытывают «недостаток в мастерах, подмастерьях, учениках и работных людях, принадлежащих до тех фабрик». Обученные ими в течение многих лет люди оказывались беглыми помещицкими, синодальными, архиерейскими крестьянами, «за которых в пожилых деньгах и в штрафах их волочат и убыточат». Правительство, детально рассмотрев данный вопрос, решило: «чтоб те фабрики от разобраны мастеровых и работных людей в упадок не пришли», издать указ следующего содержания:

1. Всем обученным мастерству людям, за исключением тех, которые «в простых работах обретались», «быть вечно при фабриках», с исключением их из подушного оклада. Фабриканты обязаны были уплатить бывшим владельцам за крестьян, записанных в подушный оклад и бежавших.

2. «Впредь на тех мануфактурах и фабриках всяким мастерам обучать и в мастера производить из детей вышеописанных, отданных им вечно».

3. Все чернорабочие подлежали немедленному возвращению их бывшим владельцам без уплаты «пожилых денег». Впредь же на работу разрешалось нанимать «вольных с паспортами и записями».

4. Те работные люди, которые показали, что они не знают «ис каких чинов отцы их», оставляются при «фабриках».

5. Работные «вечно отданные» не имели права уйти с «фабрики». В случае их бегства государство гарантировало предпринимателям применение полицейско-административных мер воздействия.

6. «У кого на фабриках ныне обучаются в учениках или в подмастерьях и в мастерах, которые к ним пошли или от других или от кого отданы за урочные годы для науки, такие хотя и в перепись за ними написаны, однакож по урочных летах отпускать их без всякого удержания».

7. Указ категорически запрещал принимать на работу беглых «без паспортов настоящих». Каждый содержатель должен был дать подписку, «дабы после отговорок не имел».

8. Если люди из купечества и разночинцев, «неимущие пропитания и промыслов,... без призрения по городам и по слободам и по уезду между двор будут праздно шататься и просить милостины», то их посылать на фабрики на 5 лет, «а больше тех урочных лет не держать».

9. За фабрикантами закреплялись купленные ими люди и крестьяне «без земель и не целыми деревнями». Впредь им также разрешалось покупать крепостных, «толко без земель и не целыми деревнями».

10. «Которые и на их фабрике собственные их мастеровые люди явятся в разбоях и воровстве, или в держании без пашпортов, в том им фабрикантам ответственать так, как и о помещичьих людях и крестьянах по указам определено; для того, что те мастеровые люди будут за ними крепостные»³⁴.

Итак, указ 7 января 1736 г. прикреплял почти всех квалифицированных работников к тем мануфактурам, где они находились к моменту выхода указа. Работные не только лишались права ухода и перехода с предприятия на предприятие, но и отдавались законом в личную зависимость от «фабрикантов», причем последние должны были отвечать за них перед государственной властью, как и помещики за своих крепостных.

Чтобы правильно оценить истинные стремления фабрикантов, обусловившие появление данного указа, а также вскрыть условия, в которых стало возможным проведение его в жизнь, рассмотрим, какая обстановка сложилась после выхода указа в свет.

Переписями 1737—1740 гг. было зарегистрировано 1618 работных людей, поступивших на московские предприятия легкой промышленности в 1736, 1737 и 1739 гг., т. е. уже после того, как был издан указ 1736 г.³⁵

За этот короткий период времени успели возникнуть две крупные суконные мануфактуры (А. Еремеева и К^о и А. Третьякова) и несколько мелких шелковых предприятий, которые полностью укомплектовали свой рабочий состав. На мануфактуре А. Еремеева и К^о переписью было учтено 1053 работных, а на предприятии А. Третьякова — 181, принятых главным образом в 1736 г. 514 человек (31,8%) пришли на «фабрики» по «желанию своему», определены Мануфактур- и Коммерц-конторами по их доношениям, пришли по паспортам, отпускным и увольнительным письмам, работали по контрактам и договорам.

Преобладающее большинство работных (1101 человек, или 68%), зарегистрированных переписями в послеуказные годы, в своих сказках показали, что на «фабрики» они были отданы «по указу» Коммерц-конторы, причем почти все рабочие, отданные по указу (1055 человек из 1101), работали на фабрике А. Еремеева и К^о. В чем причина такого необычного в количественном отношении распределения «по указу» Коммерц-конторой рабочих рук?

После постройки и оборудования мануфактуры Еремеева и К^о был опубликован указ, призывавший людей всякого звания идти добровольно для работы на новозаведенную суконную «фабрику». Многие работные люди и поступили согласно этому призыву³⁶. Однако в период переписи все работные мануфактуры Еремеева показали, что «определены Государственной Коммерц-коллегии ис канторы по указу на суконную фабрику А. Еремеева с товарищи». Получается явное противоречие. С одной стороны — указ с приглашением добровольно наниматься на работу, а с другой — «определены по указу». Это противоречие разъясняется «Доношением содержателя суконной фабрики А. Еремеева с товарищами о разрешении им принять на свою фабрику вольных мастеровых людей», поданным в 1737 г.³⁷. В этом доношении А. Еремеев показал, что на его «фабрику» была отдана «по указу» группа квалифицированных работников с ряда суконных предприятий с целью обучения суконному мастерству в

³⁴ ПСЗ, т. IX, № 6858.

³⁵ Материалы переписей см. в ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 320, 229, 327, 232, 323, 220, 222, 225, 226, 231, 235, 230, 322, 325, 673, 675, 676, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 688.

³⁶ См., напр., там же, оп. 4, д. 141, лл. 5, 6об.

³⁷ Там же, оп. 4, д. 10.

течение одного года работных его мануфактуры. Но так как людей с паспортами и с отпускными письмами, т. е. таких, которых рекомендовал принимать на «фабрики» январский указ 1736 г., на его мануфактуру «пришло самое малое число», то обучать было некого и производить сукна также некому. Предприниматели вышли из создавшегося положения благодаря наличию в Москве большого числа людей, не записанных по тем или иным причинам в подушный оклад и составлявших своеобразную свободную прослойку городского населения: «А в Москве к нам на фабрику пришли в записку волею своею разных чинов люди,— пишет А. Еремеев в своем доношении,— скудные и неимущия пропитания, объявили о себе, якобы в подушной оклад они не положены и пашпортов за прописанием их при себе ни от кого не имеют, а некоторые показали себя по отпускным и польской нации и разных чинов люди вольные, а не крепостныя и малолетныя, а иныя якобы были по воле своей на малых фабриках и обучены тому суконному мастерству, брали у них (т. е. у предпринимателей малых фабрик.— А. Д.) задельныя деньги и жили без контрактов». Содержатели приняли их на «фабрику». Теперь же к нам на мануфактуру, продолжает А. Еремеев, «другие волею своею желали быть в том ученьи разных чинов люди, которые показали себя таковыми ж вольными и неположенными в подушной оклад»; их-то А. Еремеев и просит определить к нему на мануфактуру. Он обещает, что если эти люди будут отданы на его «фабрику», то они «немедленно от нас определятся к делу и за то будут получать от нас задельныя деньги». К доношению А. Еремеева прилагался реестр лиц, желающих поступить к нему на мануфактуру, в котором было показано «ис каких они чинов и подлинно ль о себе объявили, что они вольныя и небеглыя и неположенныя в подушной оклад и не крепостныя»³⁸.

Просьба А. Еремеева с товарищами была удовлетворена, им было разрешено принять работных людей на мануфактуру³⁹.

Таким образом, хотя в сказках рабочих суконной «фабрики» А. Еремеева и говорится, что они были определены на мануфактуру по указу Коммерц-конторы, однако приведенные нами документы делают бесспорным тот факт, что все рабочие, за исключением присланных с других «фабрик» «для обучения на 1 год», пришли к Еремееву добровольно с одним желанием — получить постоянную работу, и это желание было очень большим, потому что рабочие соглашались на временное пребывание без работы и на частичную загруженность, работая поочередно⁴⁰.

В полотняной промышленности рабочие «определенные» от Коммерц-конторы, были только на мануфактуре И. Овощникова (28 человек). Все они были определены туда по их собственному желанию, за неимением работы у бывших содержателей⁴¹.

На шелковых предприятиях работных людей рассматриваемой группы было 18. Из них 15 работали на мануфактуре И. Петрова и 3 — А. Черногого. 10 человек из 15 до грихода к И. Петрову работали на суконной мануфактуре И. Полуярославцева.

После большого московского пожара в мае 1737 г. «за недачею работы и заработных денег» все они ушли с «фабрики» Полуярославцева и «имелись при разных работах». Когда же мануфактура была восстановлена, работные люди вернулись и стали требовать приема их на работу и записи в переписные книги (составлявшиеся в это время на мануфактуре), основываясь на указе 1736 г., который прикреплял к данному предприятию всех работных людей, пришедших на него в «давних годах» и «обучившихся на нем какому-либо мастерству»; они получили отказ от содержателя: «...И впредь на фабрику их в работу не надобны», — писал в ответе на запрос Коммерц-конторы сын И. Полуярославцева Федор⁴². После этого бывшие работные люди И. Полуярославцева подали доношение в Коммерц-контору с просьбой определить их на шел-

³⁸ ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 4, д. 10, лл. 1, 1об., 2, 2об. Все 76 человек, перечисленных в реестре (крестьяне, посадские и «разных чинов люди»), раньше были «на малых фабриках и обучались тому суконному мастерству». Там же, л. 3.

³⁹ О том, что они действительно были направлены на мануфактуру Еремеева, мы можем судить на основании переписной книги работных людей «фабрики» за 1738 г. ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 320, лл. 24об. 78, 81об., 100, 111, 186 и др.

⁴⁰ Там же, оп. 3, д. 320, лл. 251, 258, 301об., 302, 303, 318 и др.

⁴¹ Там же, д. 232; Дм. Бабурин. Очерки по истории Мануфактур-коллегий, М., 1939, стр. 319—320.

⁴² ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 5, д. 67, л. 12об.

ковую мануфактуру И. Петрова «вечно, чтоб им без пропитания з женами и з детьми без работы не помереть голодною смертью»⁴³.

Над полагать, что та же причина привела на указанные «фабрики» остальных рабочих рассматриваемой группы.

Заканчивая анализ группы рабочих людей, «определенных по указу» Коммерц-конторой и просто «определенных» ею же, мы должны отметить следующее:

1. На основании анализа документов можно убедиться в том, что рабочие люди данной группы приходили на мануфактуры добровольно, с одной целью получить работу и обеспечить себя и свою семью необходимыми средствами существования.

2. Быстрые темпы формирования рабочей силы на крупных мануфактурах А. Еремеева и К^о и А. Третьякова говорят о том, что рабочих рук в данное время было достаточно.

3. Желание рабочих людей быть «вечно» при «фабрике» (бывшие рабочие И. Полуярославцева) объясняется стремлением обеспечить себя работой на всю жизнь.

После указа 1736 г. поступление на мануфактуру «на вечно» принимает заметный размах. Кроме названных ранее бывших рабочих людей суконной «фабрики» И. Полуярославцева, «вечно» пожелали быть на «фабрике» почти все, поступившие на мануфактуру А. Третьякова (176 человек из 181)⁴⁴.

Если до указа 1736 г. нам известно всего три случая поступления «в работу вечно»⁴⁵, то теперь число таких рабочих возросло до 193.

После указа 1736 г. возрос процент работающих по паспортам и контрактам (7,3% и 6,4%). Большой процент работающих по паспортам на полотняных фабриках и на мануфактурах «прочих» отраслей легкой промышленности шел за счет временных рабочих. Большинство работающих по контрактам (92 человека из 103) было сосредоточено на шелковых мануфактурах Москвы, в других отраслях они насчитывались единицами. Срок большинства постоянных контрактов колебался от 5 до 12 лет.

Таким образом, после выхода в свет указа 7 января 1736 г. приток новых людей, желающих поступить на промышленные предприятия Москвы, не прекратился. Крупные суконные мануфактуры А. Еремеева и К^о и А. Третьякова, возникшие в 1736 г., обеспечили себя необходимым количеством рабочих людей в течение 1—2 лет (1239 человек). Вновь поступающие непосредственно приходили «по желанию своему» на мануфактуры или оформляли сначала свой приход через Мануфактур- или Коммерц-контору. Они составляли большинство рабочего состава, сформировавшегося в послеуказное время.

Чем объяснить, что, несмотря на появление указа 1736 г., люди продолжали приходиться на предприятия, рискуя таким образом оказаться в числе прикрепленных к ним?

Основная причина, вынуждавшая людей идти на «фабрики», — отсутствие необходимых средств существования. Об этом свидетельствуют не только занятия рабочих людей до поступления на мануфактуры, на анализе которых мы останавливались ранее, но и доношения рабочих с просьбой определить их на работу, а также доношения предпринимателей, характеризующие экономическое положение людей, желающих поступить к ним. Поэтому в основе отношений, складывающихся между поступающими на мануфактуры рабочими людьми и предпринимателями, как и до указа 1736 г., оставалось экономическое принуждение.

Но так как сфера применения рабочих рук была тогда еще ограниченной, то и работу найти было трудно. Промышленные предприятия Москвы являлись в то время основными ассимиляторами свободных рабочих рук. Но их спрос на рабочую силу был меньше, чем предложение ее. Вот почему люди продолжали приходиться на мануфактуры, несмотря на то, что могли быть прикреплены к ним. Пребывание на мануфактуре обеспечивало постоянную работу, а следовательно, и постоянный заработок. Кроме того, появлялась возможность приобрести определенную специальность и таким образом

⁴³ ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 5, д. 67, л. 12.

⁴⁴ При этом следует заметить, что большинство рабочих (62,4%) мануфактуры А. Третьякова вышло из купеческой и посадской среды. ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 299; оп. 4, д. 191, л. 2об.; см. также оп. 3, д. 678, лл. 10, 11; д. 232, лл. 15об., 16, 27—28.

⁴⁵ Там же, оп. 3, д. 679, л. 15; д. 232, лл. 26об.—27, 27об.

улучшить в будущем свое материальное положение. Немаловажное значение имел также и тот факт, что работные люди мануфактур освобождались от подушного налога.

Только при ограниченном спросе на рабочие руки возможно было появление указа 1736 г., прикреплявшего квалифицированных наемных работников к мануфактурам, и добровольное поступление на предприятия «навечно».

Указ 1736 г. был обусловлен не недостатком рабочей силы вообще, а ограниченным количеством квалифицированных рабочих рук. Этим и объясняется стремление предпринимателей закрепить за собой квалифицированные кадры и тем самым усилить их эксплуатацию. На помощь экономическим стимулам было призвано внеэкономическое принуждение.

Оформление прикрепления работных людей было проведено путем их переписи. Переписи подвергались как пришедшие на предприятия до указа 1736 г., так и после него. Право ухода с мануфактуры, согласно § 6 указа 1736 г., сохранялось только за теми работными, которые поступили «на урочные годы для науки».

* * *

Несмотря на серьезные изменения, происшедшие в социальных отношениях в легкой промышленности после указа 1736 г., приписные рабочие не были низведены до положения крепостных. Ни правительство, ни предприниматели никогда не рассматривали эту группу работных как крепостных. В своих доношениях, челобитных содержатели именовали их только «записными учениками». Все недоразумения, которые возникали между работными и предпринимателями, как и раньше, разрешались Мануфактур-коллегией и ее конторой. Работные люди имели право подавать в названные учреждения письменные и устные челобитные на предпринимателей в случае притеснения их последними, требовать удовлетворения своих законных притязаний.

Так, 18 ноября 1745 г. группа работных людей шелковой «фабрики» Боронина жаловалась «словесно» заседанию Мануфактур-коллегии на задержку с выплатой им денег. Коллегия «приказала» содержателю Боронину «объявить с подпискою... чтоб он той ево фабрики всем мастеровым и работным людям заработные деньги выдавал без задержания», если же впредь он «изобличен будет в задержке денег», «то та ево фабрика отнята от него будет безденежно»⁴⁶. Получил защиту и бежавший с ценной «фабрики» П. Гребенщикова в ноябре 1759 г. записной ученик В. Седов, которого Гребенщикова хотел отдать в рекруты. С Гребенщикова была взята подписка, что он «записного ученика В. Седова в рекруты за купленных крестьян отдавать не будет»⁴⁷ и т. д.

Содержатели мануфактур не имели права продать приписного рабочего или обменять его. Более того, предприниматели могли использовать труд работных только на мануфактурной работе. Если «фабрика» по тем или иным причинам сокращала производство или вообще прекращала свое существование, то работные люди отпускались на определенный срок, получая увольнительные письма, или же по их просьбе переводились на действующие предприятия⁴⁸.

Несмотря на прикрепление работных людей к мануфактурам, их экономическое положение оставалось прежним, так как оплата труда, установившаяся в промышленности еще до указа 1736 г., продолжала оставаться почти неизменной в течение всего рассматриваемого периода (1730—1760 гг.). В этом можно убедиться, сопоставив размеры оплаты рабочей силы в начале 1730 и в начале 1760 гг. на двух крупнейших предприятиях Москвы: полотняной мануфактуре И. Тамеса и суконной мануфактуре П. Докучаева и К^о⁴⁹.

Оплата труда рабочих в данный промежуток времени несколько колебалась. Особенно значительными колебания в сторону повышения оплаты были в суконной про-

⁴⁶ ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 699, лл. 1, 1об., 2, 3.

⁴⁷ Там же, оп. 9, д. 536, лл. 1, 1об., 4, 5.

⁴⁸ Там же, оп. 4, д. 71, лл. 2 и др. оп. 5, д. 1445, лл. 4об., 5 об., 6; оп. 9, д. 457, л. 2.

⁴⁹ Данные об оплате труда для начала 1730 гг. см. в ведомостях Мануфактур-коллегии (ЦГАДА, ф. Сената, д. 1503, лл. 665—671 об., 647—661об.). данные для начала 1760 гг.—в доношениях московских предпринимателей в Комиссию о коммерции (ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 276, лл. 310об.—311; 114—114об.).

мышленности: если в начале 30-х годов XVIII в. прядильщик суконной пряжи получал 3 коп. с фунта, то в начале 60-х годов он получал $5\frac{2}{5}$ коп. с фунта, или 2 руб. 25 коп. с пуда. Скребольщики и кардовщики суконной шерсти получали по $1\frac{1}{4}$ коп. с фунта, а в начале 60-х годов $2\frac{1}{5}$ коп. Основная масса ткачей сукон на мануфактуре Докучаева в начале 60-х годов получала, как и в начале 1730 гг.— $3\frac{1}{2}$ коп. за аршин⁵⁰.

Размеры заработной платы записных рабочих людей не уступали заработной плате вольнонаемных рабочих⁵¹. Заработная плата приписных рабочих людей суконных мануфактур в денежном отношении была даже несколько выше, чем зарплата наемных рабочих. (Приписной ткач на «фабрике» И. Медовщикова получал за аршин в начале 1760 гг. $3\frac{1}{2}$ коп., а вольнонаемный на «фабрике» И. Суроженинова — $2\frac{1}{2}$ коп.). Такое положение объясняется тем, что предприниматели не имели права снизить заработную плату приписных рабочих, и поэтому, несмотря на удешевление ряда операций в связи с освоением производства, оплата труда оставалась прежней. Неслучайно в 1762 г. большинство московских суконных предпринимателей требует, чтобы «мастеровым и работным людям... купленным, родовым, выслуженным и отданным к тем нашим фабрикам по указом вечно... о задельных деньгах повелено б было иметь рассмотрение и положение им самим содержателям каждому по своей фабрике, ибо прежнее положение тех задельных денег... оказалось имеет в некоторых работах излишество и неуравнение, против которого и с воли приходящие мастерские и работные люди охотно делают уступку...»⁵².

Об одинаковой оплате труда приписных и вольнонаемных рабочих людей свидетельствуют также контракты, заключающиеся наемными рабочими с предпринимателями. При определении размеров заработной платы в контрактах обычно говорилось: «за работу получать мне от него, содержателя, ... против имеющихся на той ево мануфактуре рабочих людей з дела или месячное, в какой работе я... обретатца буду». «Против имеющихся на мануфактуре рабочих людей» получали заработную плату нанимавшиеся на шелковые, суконные и другие «фабрики»⁵³.

Мануфактуристы, кроме требования разрешить приписным рабочим «заработные деньги производить фабриканом по своему усмотрению», просили «дозволить же неспособных к фабрике людей употреблять в продажу, а на место их покупать других»⁵⁴. Они добивались запрещения подачи рабочими людьми челобитных, так как «рабочие люди по своей буйственной склонности неоднократно уже на некоторых из нас содержателей... доносительствовали и просьбами своими причиняли долговременные следствия... и безвозвратные великие убытки...», что иначе «суконных мануфактур содержать им в порядочном поведении и соблности оные от всеконечного раззорения будет невозможно»⁵⁵.

Итак, приписные рабочие люди московских мануфактур не являлись крепостными содержателей, на фабриках которых они работали. Об этом свидетельствует как их правовое, так и экономическое положение. Это положение, как мы видим, было очень своеобразным. С одной стороны, прикрепление к мануфактурам, а следовательно, и лишение возможности свободно продавать свою рабочую силу, а с другой — сохранение прежнего экономического положения. С одной стороны, необходимость мириться с произволом предпринимателя, а с другой — возможность обжаловать незаконные действия последнего и таким образом предупреждать их. Превращение приписных рабочих людей в крепостных, к которому стремились предприниматели, было невозможно, во-первых, потому, что мануфактурное промышленное производство, тесно связанное с рынком по линии закупки сырья и сбыта готовой продукции, могло успешно развиваться только в том случае, если оно обслуживалось производительным трудом. Поэтому предприниматели вынуждены были ограничивать свои крепостнические

⁵⁰ ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 276, л. 114об.

⁵¹ См., напр., ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 276, лл. 134, 514—514об., 189об.—190, 149.

⁵² Там же, оп. 8, д. 475, л. 54об., см. также оп. 3, д. 276, л. 160об.

⁵³ Там же, д. 978, лл. 1—8; д. 1179, лл. 1—4; д. 177, лл. 1об., 5 и др.

⁵⁴ Там же, д. 475, лл. 64об., 66—66об., 67об.

⁵⁵ Там же, д. 475, лл. 55, 55об., 56, 56об.

стремления по отношению к приписным работным людям как в экономическом, так и в правовом отношении. Первостепенным фактором, сдерживающим стремления предпринимателей низвести приписных работных людей до положения собственных крепостных, являлась также повседневная и упорная борьба работных против произвола содержателей мануфактур⁵⁶.

* * *

После прикрепления работных людей к предприятиям в легкой промышленности Москвы наметились три группы рабочей силы: 1) приписные работные; 2) купленные и собственные крепостные и 3) наемные работные люди. Как мы уже видели раньше, на московских мануфактурах в 30-х годах использование купленных и собственных крепостных не имело сколько-нибудь существенного значения.

В последующие годы рабочая сила формировалась главным образом за счет наемных работных людей. Покупные же и собственные крестьяне привлекались на мануфактуры в очень ограниченном количестве. По данным Мануфактур-коллегии с момента возникновения предприятий и до середины 1760 гг. московским предпринимателям было разрешено купить 16 099 душ мужского пола с землей и без земли⁵⁷. Была же приобретена всего 3691 душа, причем в работе на мануфактурах использовались только 689 человек, или 18,6%. На долю текстильной промышленности Москвы, как ведущей отрасли, приходилась большая часть купленных крестьян (2825 из 3591). Из них на предприятиях было занято 495 человек, или 17,6%. Преобладающее большинство купленных крепостных работных людей (304 из 495—61,4%) было занято на шелковых мануфактурах Москвы. На втором месте по числу крепостных работных стояла суконная промышленность (30,3%) и на третьем — полотняная (8,0%).

Собственных крепостных крестьян использовали на мануфактурах только владельцы дворянского происхождения. Ведомость 1767 г. называет одну «фабрику», работавшую своими крепостными. Это суконная мануфактура В. Выродова.

Группа приписных работных на протяжении рассматриваемого периода не оставалась количественно неизменной. Увеличивалась она главным образом за счет положенных в подушный оклад на промышленные предприятия «разного звания людей» (по указу 16 декабря 1743 г.⁵⁸ все приписные работные люди мануфактур были положены при этих мануфактурах в подушный оклад). Этот же указ предлагал записывать в подушный оклад на промышленные предприятия по желанию разночинцев, незаконнорожденных, отпущенных помещиками крепостных, солдатских детей и пр. В самом начале 1760 гг. на 52 московских мануфактурах, о которых имеются сведения, насчитывалось примерно 400 человек работных, отданных таким образом «по желательным грошениям»⁵⁹. Судя по числу вновь поступивших «ис подушного оклада» работных людей, пополнение не было значительным. Если же учесть, что приписные работные постоянно выбывали (нетрудоспособные, беглые, умершие), то количественное уменьшение данной группы на протяжении рассматриваемого промежутка времени представится несомненным.

Совершенно иную картину мы наблюдаем в группе наемных работных людей московских мануфактур. Эта группа постоянно увеличивается и к концу изучаемого периода занимает видное место во всех отраслях московской промышленности. Наемный труд к началу 1760 гг. используют не только вновь возникающие предприятия, но и старые «фабрики», рабочая сила которых сформировалась в 20—30-е годы⁶⁰. Можно установить соотношение принудительного и наемного труда на указных предприятиях легкой промышленности Москвы в начале 1760 гг.⁶¹.

⁵⁶ См. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в.», Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 219—233.

⁵⁷ ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 333, лл. 334об.—375об. (Подсчеты по ведомости проведены автором).

⁵⁸ ПСЗ, т. XI, № 8836.

⁵⁹ Сведения взяты из ведомостей, поданных московскими предпринимателями в 1760—1761 гг. в Комиссию о коммерции (ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 276).

⁶⁰ ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 276, 726, 727.

⁶¹ Расчеты произведены для 128 предприятий с 7473 работными людьми. Из них в суконной — 4189, в полотняной — 365, в шелковой — 1530 и в «прочих» отраслях — 1389 человек. (ЦГАДА, Госарх., XIX разр., д. 377, ч. II, стр. 125—131).

Среди отраслей текстильной промышленности самый большой процент вольнонаемные рабочие люди составляли в шелковой промышленности — 63,9%; на втором месте полотняная промышленность — 44,7%, на третьем — суконная — 21,0%. В целом по текстильной промышленности Москвы вольнонаемные рабочие люди составляли более 33% рабочего состава. Наиболее широкое использование труда наемных рабочих наблюдается на предприятиях «прочих» отраслей легкой промышленности — 67,1%. По всем отраслям московской промышленности вольнонаемные рабочие составляли около 40% всего рабочего состава.

Необходимо отметить, что в действительности процент вольнонаемных рабочих людей, занятых на текстильных мануфактурах Москвы, был значительно выше, так как, помимо постоянных рабочих, учтенных нами, в большом количестве использовался труд временных наемных работников, главным образом женщин, занятых у размотки и трощения шелка на шелковых мануфактурах, а также труд свободных людей, занятых обработкой сырья для суконных мануфактур на дому⁶².

Вольнонаемный труд использовался на многих московских мануфактурах систематически и в больших количествах. Об этом говорят также разного рода ведомости, подававшиеся «фабрикантами» в Мануфактур-коллегию и другие государственные учреждения. Так, например, на полотняной мануфактуре И. Тамеса во второй половине 1762 г. при 515 действующих станах было занято 666 рабочих, из них 313 были «принятые по пашпортам». 10 стангов не действовало «за отлучкою вольных ткачей на время для домашних нужд в свои дома»⁶³. В ответе на запрос Комиссии о коммерции суконные содержатели Е. Грунт и М. Шигонин доносили, что у них на «фабрике», кроме отданных из Московской губернской канцелярии по «желательным прошениям» 52 человек да 7 покупных душ, «имеются... при разных работах наемных вольных людей до 700 человек»⁶⁴. Содержатель мишурной «фабрики» Е. Солодовников показал, что, кроме 25 рабочих, «отданных по ревизии», «ко исправлению при фабрике работ довольствуемся мы наемными вольными людьми неравно человек по 100 и более»⁶⁵. На сусальной мануфактуре М. Шорина с товарищами использовались только наемные люди (до 200 человек) и т. д.⁶⁶.

Предложение наемного труда к концу рассматриваемого периода вполне удовлетворяло спрос московских мануфактур на рабочие руки. Об этом свидетельствуют неоднократные указания предпринимателей на то, что они не испытывают недостатка в рабочей силе потому, что приходящих вольнонаемных рабочих бывает «довольное число». Так, предприниматель П. Носырев в своем ответе на запрос Комиссии о коммерции писал, что на его суконной «фабрике» работает 140 мастеровых и рабочих людей, приписанных по указу 1736 г., «а к тому при оной моей фабрике для суконной и карзейной работы из вольных по пашпортам по моей возможности имеется надлежащее полное число»⁶⁷.

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что на мануфактурах Москвы продолжали интенсивно развиваться капиталистические отношения. Развитие капиталистических отношений выражалось, с одной стороны, в повсеместном использовании труда наемных рабочих (постоянных и временных) на самих мануфактурах, а с другой — в широком распространении системы капиталистической работы на дому.

Успешное использование в мануфактурной промышленности Москвы, как и всей страны, труда наемных рабочих людей дало возможность правительству указом 1762 г. запретить покупку к предприятиям крепостных крестьян и предложить всем мануфактуристам перейти к эксплуатации наемного труда⁶⁸. Издание этого указа свидетельствовало о начале победы капиталистического способа производства в мануфактурной промышленности России.

⁶² ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 2, д. 367, лл. 56об., 59об., 62об., 63, 74об.; 76об.; д. 393, лл. 2об., 3; оп. 3, д. 276, лл. 114об., 121об.; 131 об., 135, 141об.; 172, 514об., 526, 647об.; оп. 9, д. 634, л. 2; д. 846, л. 3об.; д. 446, л. 2: д. 997, лл. 2—2об.: д. 377, л. 3; д. 507, л. 1; д. 1565, л. 2; д. 422, л. 2; д. 1288, лл. 22об., 23; д. 1190, л. 78, 79, 74 и др.

⁶³ Там же, оп. 2, д. 151, лл. 97, 99.

⁶⁴ Там же, оп. 3, д. 276, л. 575.

⁶⁵ Там же, л. 615.

⁶⁶ Там же, л. 594об.

⁶⁷ Там же, лл. 172, см. также, лл. 151, 217об.—218, 312, 324—324об.

⁶⁸ ПСЗ, т. XV, № 1490.

Вольнонаемные рабочие люди при поступлении на ту или иную мануфактуру обязаны были иметь письменные паспорта или покормежные письма. Держать рабочих без паспортов строго запрещалось законом⁶⁹. Наемные рабочие люди по способу оформления найма делились на две группы: нанятые по контрактам и договорам и нанятые по паспортам и покормежным письмам. Нами учтены все те наемные рабочие люди, занятые в указной легкой промышленности Москвы в конце 30 — начале 60-х годов, о которых есть сведения в рапортах предпринимателей в Мануфактур-коллегию о снятии копий с контрактов, паспортов и покормежных писем этих рабочих. Всего их насчитывается 6366 человек: 4948 человек текстильных отраслях и 1418 — в «прочих»⁷⁰.

а) Нанятые по контрактам

Нанятых по контрактам было 1725 человек (27,1%). Из них 1034 человека — в текстильной промышленности и 691 человек — в «прочих» отраслях легкой промышленности. Контракты с предпринимателями заключали как отдельные рабочие люди, так и группы их. Наиболее распространены были индивидуальные контракты. Коллективные контракты видное место занимали лишь в мишурном производстве. Контракты определяли срок пребывания рабочего на предприятии, условия его работы и его обязательства перед содержателем мануфактуры. Сроки найма колебались от одного года до пяти лет и более. Так, из 466 контрактов, заключенных рабочими мишурных производств, 175 были сроком на один год, 103 — на 2 года, 141 — на 3 года, 24 — на 4 года, 18 — на 5 лет и 4 — на 6 лет. Из 934 контрактов, заключенных рабочими шелковых мануфактур с указаниями срока, 785 (84,0%) были сроком от 1 до 5 лет. Остальные сроком от 6 до 25 лет и 13 контрактов — «навечно».

Рабочие люди не имели права уйти с мануфактуры до истечения срока контракта⁷¹. Преждевременный уход рабочего рассматривался как бегство и в случае поимки он подвергался наказанию и возвращался на прежнее место. В контракте обычно говорилось, что рабочий должен быть «во всяком послушании» хозяину, работать «с прилежанием», не пьянствовать, не знаться с «воровскими людьми» и т. д. В случае нарушения условий договора, рабочий подвергался наказанию.

⁶⁹ ПСЗ, т IX, № 6858; т XVIII, № 12968.

⁷⁰ Указанное число, естественно, не исчерпывает всех наемных рабочих людей, которые были заняты в московской указной легкой промышленности. В число «прочих» рабочих людей включены также посадские и крестьянские вдовы. ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 300, 363; оп. 4, д. 71, 147, 152, 209, 226, 248, 266, 267, 271, 327, 344, 483, 506, 612, 653, 666, 675; оп. 5, д. 94, 95, 100, 131, 152, 154, 162, 165, 176, 217, 240, 244, 245, 255, 262—265, 318, 323, 337, 352, 354—356, 460, 470, 520, 541, 630, 709; 815; 821, 859, 1078, 1209, 1341, 1397, 1445, 1563, 1568; оп. 6, д. 1, 19, 72, 97, 101, 109, 119, 125, 261, 360, 370, 413, 427, 433, 639, 667, 766, 799, 801, 812, 874, 883, 918, 978, 1007, 1026, 1067, 1140, 1154, 1161, 1213, 1223, 1235, 1244, 1269, 1324, 1329; оп. 7, д. 112, 129, 138, 155, 328, 340, 392, 405, 421, 453, 465, 474, 476, 497, 506, 595, 600, 628, 630, 649, 679, 685, 687, 733, 735, 742—744, 754, 787, 801, 893, 997, 1006, 1009, 1013, 1070, 1083, 1132, 1141, 1163, 1167, 1172, 1173, 1186, 1210, 1286, 1294, 1305, 1311, 1333, 1337, 1340, 1362, 1366—1368, 1372, 1387, 1395, 1405, 1424, 1474, 1497, 1528—1530, 1574, 1575, 1581, 1609; оп. 8, д. 14, 16, 24, 30, 89, 94, 161, 166, 298, 311, 312, 321, 364, 376, 386, 388, 393, 420, 435—438, 515, 589, 636, 639, 693, 809, 837, 848, 921, 958, 960, 964, 977, 978, 1042, 1054, 1063, 1069, 1070, 1086, 1099, 1159, 1177, 1179, 1182, 1190, 1196, 1234, 1252, 1254, 1256, 1282, 1295, 1300, 1352, 1425, 1430, 1451, 1473, 1488, 1492, 1515, 1516, 1519, 1531, 1539, 1543, 1552; оп. 9, д. 28, 49, 67, 68, 150, 159, 164, 165, 169, 170, 199, 271, 273, 278, 280, 285, 287, 291, 295, 333, 354, 379, 385, 397, 401, 414, 434, 458, 465, 470, 487, 503, 530, 534, 537, 577, 610, 644, 647, 666, 686, 688, 702, 705, 722, 727, 728, 730, 732, 734, 750, 776, 783, 785, 812, 820, 835, 837, 839, 860, 873, 875, 881, 884, 887, 891, 892, 894, 897, 903, 905, 920, 1006, 1028, 1029, 1064, 1079, 1095, 1096, 1098, 1106, 1108, 1117, 1119, 1120, 1131, 1261, 1274, 1275, 1277, 1286, 1301, 1305, 1306, 1309, 1316, 1330, 1344, 1363, 1376, 1384, 1414, 1418, 1437, 1473, 1499, 1501, 1503—1505, 1526, 1532, 1542, 1545, 1549, 1562, 1563, 1566, 1571, 1587, 1592, 1593; оп. 15, д. 146—148, 150, 151, 155, 157.

⁷¹ См., напр., ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 5, д. 265, л. 5; оп. 7, д. 340, л. 4.

Обязательным пунктом каждого контракта был пункт о заработной плате. Так, оброчный монастырский крестьянин М. Соколов, поступивший на мишурную «фабрику» Зайцева, в своем контракте показал: «делать на кругу красную и белую мишуру... добрым мастерством... а за дело оной брать мне... с фунта». Московский купец Ф. Ильин в контракте, данном содержателю картной «фабрики» А. Листовщикову, договорился «за работу получать... на каждый месяц по три рубля»⁷² и т. д. В преобладающем большинстве контрактов не указывались размеры оплаты труда нанимавшегося, а говорилось: «за работу получать мне... от него содержателя... против имеющихся на той ево мануфактуре работных людей з дела или месячное, в какой работе я... обретатца буду»⁷³.

Широкое распространение оплаты труда наемных работных людей на общих основаниях свидетельствует о возникновении рыночных норм оплаты труда.

Работающие по контрактам имелись во всех отраслях московской промышленности, но особенно видное место они занимали на шелковых и мишурных предприятиях. В шелковой промышленности на их долю приходилось 78,2% всех учтенных нами наемных работных, а в мишурном производстве — 94,2%. Такое резкое преобладание работающих по контрактам в данных отраслях промышленности объясняется тем, что здесь требовался труд высококвалифицированных работников.

б) Вольные ученики

Среди работных, нанятых по контрактам, были люди, которые пришли сами или были приведены родственниками для обучения мастерству (276 из 1725). Срок и условия их обучения определялись контрактами, которые заключались самими учениками или лицами, отдающими их в обучение.

Так, например, монастырский крестьянин М. Васильев поступил для обучения «мишурного мастерства» на «фабрику» Засекина на таких условиях: он должен был заплатить за обучение 20 руб., а после обучения работать на общих основаниях. На таких же условиях поступили в обучение дворцовые крестьяне В. Ларионов, С. Спиридонов, Д. Степанов⁷⁴. Поступающие в ученичество на шелковые мануфактуры, как правило, заключали контракты на одинаковых условиях с поступающими на работу⁷⁵.

Сроки ученичества были разные. В мишурном производстве, например, они колебались от 1 года до 6.

Ученичество на мануфактурах Москвы в рассматриваемый период не получило широкого распространения. Среди текстильных отраслей промышленности только в шелковой ученики занимали видное место. На их долю приходилось 19,9% от общего числа учтенных нами наемных работных людей шелковых мануфактур. В полотняной, суконной и «прочих» отраслях московской промышленности ученики или отсутствовали, или исчислялись единицами.

в) Нанятые по паспортам и покормежным письмам

Самую многочисленную группу наемных работных людей в легкой промышленности Москвы рассматриваемого периода составляли нанятые на предприятия по паспортам и покормежным письмам (4643 человека, 72,9%). Они нанимались обычно на срок действия их паспорта или письма и до истечения этого срока не могли уйти с предприятия.

Сроки, на которые выдавались паспорта и покормежные письма, были разные, однако преобладали годовые. Так, из 3799 крестьянских паспортов и покормежных, сроки которых известны, 2284, или 60%, были выданы на 1 год. Паспортов и покормежных сроком от 1 до 11 месяцев включительно было 1070, или 27,6%, 334 были выданы на 2 года, 108 — на 3 года, 1 паспорт — на 4 и 1 сроком на 5 лет. Необходимо отме-

⁷² ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 7, д. 427, л. 4об.; оп. 9, д. 273, л. 1об.

⁷³ Там же, оп. 5, д. 709, лл. 1—9об.; д. 1078, л. 1—2б; д. 1397, л. 2—30об.; оп. 6, д. 1140, лл. 2—14; оп. 8, д. 978, лл. 1—8, д. 177, лл. 1об., 5; д. 1179, лл. 1—4, д. 1543, лл. 2об., 24 и др.; оп. 7, д. 1395, лл. 6, 8—8об. и др.; оп. 9, д. 414, лл. 2—7об.; д. 577, л. 1—6; д. 734 л. 2—7; и т. д.

⁷⁴ Там же, оп. 7, д. 1006, лл. 6, 7об., 8 об.—9, 10.

⁷⁵ Там же, оп. 4, д. 266, л. 1—2об., оп. 5, д. 709, л. 1—9об.; оп. 8, д. 298, л. 1—2б, д. 744, л. 1—25об., д. 1451, л. 2—33; оп. 9, д. 470, л. 1—25об и т. д.

тить, что сроки паспортов и покормежных писем часто носили формальный характер. В этом нас убеждает несоответствие сроков паспортов со сроками контрактов, заключаемых на более длительное время, чем срок действительности паспорта нанимающегося⁷⁶.

* * *

В заключение рассмотрим социальный состав наемных рабочих людей в московской промышленности за весь период с конца 1730 до начала 1760 гг.

Наемные рабочие московских предприятий включали в себя представителей разных социальных групп населения (см. таблицу 4).

Наиболее многочисленными были рабочие люди из крестьян. Они составляли 83,6% всех учтенных нами рабочих. Особенно большое значение имел труд выходцев из крестьян в полотняной промышленности (46,7% всех рабочих из крестьян), суконной, а среди «прочих» отраслей — в пуговично-булавочном и в сусальном производстве.

В целом среди рабочих из крестьян преобладали помещичьи и монастырские крестьяне. Вместе они составляли 74,0% всех нанимавшихся на московские предприятия крестьян и 61,9% всех учтенных нами по рапортам московских предпринимателей наемных работников. Дворцовые оброчные крестьяне составляли 16,5% крестьян и 13,8% всех учтенных нами наемных работников.

Основными районами отхода крестьян в московскую промышленность являлись близлежащие от Москвы уезды (см. таблицу 5).

Более половины рабочих из крестьян, как мы видим, вышло из Московского уезда — 55,7%. На втором месте стоял Переяславль-Залесский уезд (12,8%). Значительным был также отход из Каширского, Коломенского, Серпуховского, Дмитровского и Ярославского уездов, что обуславливалось рядом причин: 1) близость крупнейшего экономического центра — Москвы — способствовала интенсивному проникновению товарно-денежных отношений в экономику данных районов, что вело к углублению социального расслоения и выделению групп населения, могущих существовать только продажей своей рабочей силы; 2) почвенные и климатические условия, а также большая населенность этих уездов делали невыгодным занятие земледелием и, в свою очередь, вели к распространению отходничества⁷⁷; 3) структура населения названных уездов и, в первую очередь, Московского, где большое место занимали дворцовые и монастырские крестьяне, также способствовала распространению отходничества, так как среди этих категорий крестьянства очень рано произошел переход от барщинной системы ведения хозяйства к оброчной и, таким образом, крестьяне имели больше хозяйственной самостоятельности и больше возможностей в выборе сферы приложения своего труда; 4) и, наконец, близость крупного промышленного центра делала отход выгодным, что не могло не привлекать как самих отходников, так и их владельцев.

Вторую группу наемных рабочих на московских предприятиях составляли посадские люди. К ним относились купцы, ремесленники, мелкие торговцы и прочих городской люд. Рабочие люди из посада составляли 8,5% всех учтенных нами рабочих. Среди них преобладали купцы (67,4%). В большинстве случаев это были выходцы из московского купечества. Наиболее видное место посадские занимали в шелковой промышленности, мишурном производстве и в «прочих» отраслях, что объясняется характером производства (сложный производственный процесс, дорогостоящее сырье).

Кроме крестьян и посадских, на московских предприятиях легкой промышленности были заняты представители других социальных групп населения: отставные солдаты и члены их семей, дети мелких чиновников, монастырских и казенных служителей и т. п. Но их роль была незначительной.

Таким образом, основную массу наемных рабочих людей в московской легкой промышленности составляли крестьяне, вышедшие из центральных уездов России. Наемные рабочие из посада занимали второстепенное место.

⁷⁶ ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 8, д. 837, № (паспортов и контрактов) 7—9, 2—3; д. 978, № 1—18, 11—12, 15—16; оп. 9, д. 169, № 2—3; д. 812, № 6—7, 11—12, 13—14, 15—16 и т. д.

⁷⁷ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. II, СПб., 1903, стр. 83 и др.; С. И. Волков. Крестьяне подмосковных дворцовых владений и дворцовое хозяйство во второй четверти XVIII в. (канд. дисс.), М., 1953, стр. 41 и др.

Социальный состав наемных рабочих людей в московской указной легкой промышленности
конца 1730 — начала 1760 гг.*

Название отраслей легкой промышленности	Крестьяне						Посадские				Прочие	Неизвестные	Всего
	всего	дворцовые	монашеские	помещичьи	дворовые	неизвестные	всего	купцы	посадские	прочие			
Суконная	999	64	*216	698	21	—	34	28	1	5	82	—	1115
%	89,6	5,7	19,4	62,6	1,9	—	3,1	2,5	0,1	0,5	7,3	—	100
Полотняная	2487	289	272	1537	385	4	43	8	14	21	86	3	2619
%	95,0	11,0	10,4	58,7	14,7	0,2	1,6	0,3	0,5	0,8	3,3	0,1	100
Шелковая	644	206	307	91	35	5	301	185	55	61	269	—	1214
%	53,1	17,0	25,3	7,5	2,9	0,4	24,7	15,2	4,5	5,0	22,2	—	100
Итого . . .	4130	559	795	2326	441	9	378	221	70	87	437	3	4948
%	83,5	11,3	16,1	47,0	8,9	0,2	7,6	4,5	1,4	1,7	8,8	0,1	100
Прочие отрасли	1192	319	438	380	48	7	165	145	8	12	61	—	1418
%	84,1	22,5	30,9	26,8	3,4	0,5	11,6	10,2	0,6	0,8	4,3	—	100
Всего . . .	5322	878	1233	2706	489	16	543	366	78	99	498	3	6366
%	83,6	13,8	19,4	42,5	7,7	0,2	8,5	5,7	1,2	1,6	7,8	0,1	100
Удельный вес в данной социальной группе (в процентах)	—	16,5	23,1	50,9	9,2	0,3	—	67,4	14,4	18,2	—	—	—

*См. сноску 70.

Уезды	Крестьяне			
	помещичьи	монастырские	дворцовые	Итого
Московский	1512	470	703	2685
Переяславль-Залесский	427	97	93	617
Коломенский	154	23	1	178
Каширский	165	9	1	175
Ярославский	75	92	—	167
Серпуховской	8	114	—	122
Дмитровский	41	51	—	92
Кашинский	1	59	12	72
Юрьевско-Польский	31	34	1	66
Пошехонский	49	13	—	62
Костромской	25	17	15	57
Боровской	17	30	—	47
Угличский	1	41	—	42
Владимирский	13	12	8	33
Ростовский	5	16	3	24
Любимский	22	2	—	24
Вологодский	1	20	1	22
Романовский	20	2	—	22
Галицкий	12	9	—	21
Оболенский	4	—	11	15
Звенигородский	3	9	—	12
Суздальский	2	4	6	12
Зарайский	11	—	—	11
Малоярославецкий	—	10	—	10
Прочие уезды (36)	107	99	23	229
Итого (по 60 уездам) . .	2706	1233	878	4817

* См. сноску 70.

Экономическое лицо районов наиболее интенсивного отходничества в московскую промышленность дает в какой-то степени возможность говорить и о том, что на московские мануфактуры приходили более или менее подготовленные кадры наемных работных. Подготовка эта осуществлялась в условиях широкого развития крестьянско-и городского мелкотоварного промышленного производства⁷⁸.

Подведем итог. Рабочая сила московских предприятий систематически пополнялась за счет вольнонаемных работных, поступавших из разных социальных слоев русского общества. Первенствующее место по своей численности занимали крестьяне. Из их среды вышло более 83% всех учтенных нами наемных работных в московской легкой промышленности конца 1730 — начала 1760 гг. Определяются основные географические районы, поставляющие рабочую силу для московских мануфактур. Благодаря длительному пребыванию работных людей на мануфактурах, создаются постоянные кадры наемных работников в московской легкой промышленности.

* * *

На основе анализа вышеизложенного материала можно сделать следующие выводы.

Общественные отношения, которые сложились в легкой промышленности Москвы до середины 1730 гг., являлись капиталистическими. Их конкретное содержание проявлялось не только в том, что работные люди приходили на мануфактуры добровольно и получали заработную плату в зависимости от количества и качества затраченного труда, но и в том, что они имели право по истечении установленного законодательством срока уйти или перейти с одного предприятия на другое. Это право не было

⁷⁸ И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в., М. — Л., 1950.

формальным, и рабочие люди действительно пользовались им. Естественно, что московская мануфактурная промышленность, как и промышленность всей страны, развиваясь в условиях господства феодально-крепостнических отношений, не могла не испытывать на себе влияния этих отношений. Наиболее остро влияние крепостничества сказалось на мануфактурной промышленности в середине 30-х годов XVIII в., когда указом 1736 г. рабочие люди прикреплялись к предприятиям «навечно».

Указ был вызван стремлением предпринимателей задержать на предприятиях квалифицированную рабочую силу, нехватка которой остро чувствовалась при тогдашнем уровне развития производства в условиях феодального государства.

Общественные отношения, сложившиеся в промышленности Москвы после указа 1736 г., были противоречивы, однако определяющими в их развитии продолжали оставаться капиталистические тенденции, выражавшиеся как в принципе оплаты труда приписных рабочих, так и в их правовом положении.

В основе взаимоотношений между рабочими людьми и предпринимателями продолжали оставаться экономические интересы. Кроме того, право на личность и труд рабочего со стороны предпринимателя было ограничено законом, что не могло не сказываться на складывании социально-экономических отношений в мануфактурной промышленности Москвы после указа 1736 г. В дальнейшем характер общественных отношений в московской промышленности продолжал развиваться в сторону неуклонного повышения роли наемного труда, который использовался как на самих мануфактурах, так и за их пределами — в форме распространения капиталистической работы на дому⁷⁹.

Таким образом, указная московская мануфактура конца 30 — начала 60-х годов XVIII в. по своей сути была капиталистической. Развиваясь в условиях крепостничества, она не могла не испытывать на себе его влияния, но это влияние не вело к коренным изменениям ее основ.

---

⁷⁹ Автор посвящает этому вопросу специальную статью.

